

УДК 82

ТЕКСТ В ЕГО «ЖИЗНИ» (КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО-ЖУРНАЛИСТА)

© 2013 г.

М.Г. Уртминцева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

Urtminzeva@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.11.2012

Идея Ф. Достоевского об особой миссии России, которая должна выполнить возложенную на нее историей роль объединения славянского мира, определяет стратегию текста в «Дневнике писателя» за 1877 год. Коммуникативные особенности текста, воспроизводящего ритм реальной жизни страны, вовлеченной в военный конфликт, формируются его риторикой, эвокативностью, что выражено использованием «чужого слова» как объекта полемики, обращением к разъяснению этимологии и смысла употребляемых слов и выражений (стрючкие, стушеваться, лакейство, юмор) и др. Стилистая неоднородность повествования создает эффект живого общения с читателем, поскольку сам Достоевский, включая в текст письма к редактору, рассматривал читательские отклики как одно из основных условий порождения и функционирования «Дневника».

Ключевые слова: Достоевский, текст, коммуникативные стратегии, публицистика, «Дневник писателя».

В настоящее время текст вовлечен в сферу научного исследования филологией, семиотикой, герменевтикой, антропологией и другими гуманитарными науками, в результате чего возник описанный П. Рикером [1] феномен конфликта интерпретаций, отчасти вызванный тем, что во второй половине XX столетия происходит смена философской парадигмы объяснения связей человека и его языка: от понимания языка как непосредственного воплощения мысли часть гуманитарных наук переходит к пониманию его как «дома бытия» [2]. Показательным является тот факт, что литературоведческий подход к исследованию текста осознается как явно «недостаточный», когда речь идет о тексте как смыслопорождающем устройстве [3]. В концепции Ю. Лотмана художественный текст – функциональное единство сообщения, генерации новых смыслов и хранилище культурной памяти, в процессе смыслопорождения которого едва ли не определяющую роль играет его риторика, выполняющая функцию канала трансляции, смыскающего компонента акта коммуникации» [3, с. 177–194; 4].

Функционализм – одно из наиболее востребованных современных направлений в исследовании текста [5, с. 41–50; 6, с. 17], который стремится учитывать «предварительную обусловленность свободы авторского выбора тех или иных средств выражения смысловой структуры» [7, с. 508]. Данное положение реализова-

но в сфере теории текста в коммуникативном и когнитивном подходах его анализа, причем если для коммуникативного подхода характерно обращение к исследованию текста как к предметно-процессному единству, то для когнитивного подхода важно извлечь знание говорящего/пишущего и реципиента/читателя о действительности/картине мира. Сопрягая коммуникативный и когнитивный подходы, мы имеем возможность «увидеть текст как единство когнитивной, предметной и коммуникативной деятельности, текст в его “жизни”» [8, с. 23–24].

Особенно актуальным является определение функционирования текста как его «жизнь», когда мы обращаемся к анализу и интерпретации произведений такого художника, как Ф.М. Достоевский, в частности к его «Дневнику писателя», сложной форме публицистического высказывания, в исследовании которого мы руководствовались следующими положениями. Во-первых, «Дневник писателя» – художественный текст, вступающий во взаимодействие со средой существования, в которой следует различать микросреду (акт коммуникативной деятельности писателя) и макросреду (культуру, социальную сферу), от которой неотделим как писатель, так и читатель. Содержание текста возникает в результате решения двух основных задач, одна из которых, преимущественно коммуникативная, деятельностная, осуществляется

автором, а когнитивная (задача понимания, «расшифровки» смысла) – читателем, к которому потенциально обращен текст [9].

Во-вторых, для исследования стратегии такого сложного текста, как «Дневник писателя», чрезвычайно важно отказаться от традиционного раздельного описания образа автора и образа читателя, так как в повествовании они сопряжены и явлены в образе текстовой личности, соединяющей в себе текстовую личность писателя и текстовую личность читателя.

В-третьих, несмотря на то что «Дневник писателя» – законченный текст, первостепенное значение в интерпретации приобретает факт «процессуальности» его рождения, что подчеркивается и в имени текста – дневник. Поэтому отдельной составляющей описания стратегии данного текста следует признать характеристику его вербализации (деятельность писателя по порождению текста) и восприятия (понимание), то есть динамику движения от смысла к тексту (при вербализации) и от текста к смыслу (при понимании).

Рассмотрим стратегию текста, проявляющуюся в его деятельностной, практической целенаправленности, которая формируется в высказываниях Ф. Достоевского по восточному вопросу, на тему русско-турецкой войны (1876–1877 гг.), вызванных определенной политической ситуацией. Известно, что уже первые читатели и критики «Дневника» крайне «болезненно воспринимали пафос публицистики Достоевского и называли его «славянофильским кликушеством», современная писателю общественная мысль – «дилетантом славянобесия», а его суждения – «трескучими фразами» и «иступленными завываниями» [10]. Однако в сложившейся сложной социально-политической и нравственной ситуации Ф. Достоевский настойчиво, в разных словесных и ситуационных формулах текста повторяет одну и ту же идею, которая была высказана им еще в 1856 году: как русский и патриот он всегда желал успеха русскому оружию и никогда не желал поражения своему правительству [10, с. 5]. В главке «Жажда слухов и того, что “скрывают”», Достоевский воспроизводит обстоятельства своей летней поездки в «места моего детства», приводит факты, свидетельствующие об интересе и «жадном любопытстве, с которым простонародье выслушивало и расспрашивало про войну» [11, с. 255]. Сюжетная ситуация выстраивается вокруг фразы, произнесенной «каким-нибудь ораторствующим паренком»: «Семнадцать тысяч наших легло, только сейчас была телеграмма». Прямой смысл высказывания ока-

зывается в данном тексте не адекватен идее, вербализованной в приведенных писателем словах. Достоевский «обнажает» прием создания текста, интерпретируя скрытый смысл и истинную интенцию говорящего: вовсе не рад ораторствующий паренек тому, что «наших легло семнадцать тысяч, нет, тут другое, тут вроде того, как если бы вдруг погорел человек, все сгорело – изба, деньги, скот: “Смотрите, дескать, на меня, православные христиане, все пропало, в лохмотьях, один как перст!”» [11, с. 255]. Идея Достоевского об особой роли России, призванной самой историей объединить славянский мир, была центральной идеей не только «Дневника», но и романа «Идиот», над которым писатель работал двумя годами ранее, однако в публицистике она демократизируется, «ввиду той *сознательности* (выделено Достоевским) о значении и задачах этой войны, которая обнаружилась в народе нашем еще с прошлого года, ввиду пламенной и благоговейной веры народа в своего царя...» [11, с. 255]. Как следует из приведенного примера, Достоевский создает образ текстовой личности, в которой как в фокусе сходятся все грани коммуникативного текста и репрезентируется двуединство текстовой личности говорящего и слушающего.

Не менее значительной в управлении стратегией чтения, формируемой стратегией текста, оказывается в «Дневнике» житнетворческий или пространственный текст личности, обозначенный именем. Этот текст (в тексте) ориентирован на воспринимающее сознание, а его фрагменты группируются вокруг доминирующего смыслового центра. Одним из таких имен, наряду с именами Дон-Кихота, Л. Толстого, Н. Некрасова, обладающим свойством смыслопорождения текста, становится в «Дневнике» имя Пушкина. В главке «Самозванные пророки и хромые бочары, продолжающие делать Луну в Гороховой» (февраль, 1877) главная идея «Дневника», сформулированная в самом начале: «Восточный вопрос по-прежнему у всех перед глазами» и «что-то будет с другими, особенно с теми другими, там, за Дунаем? Но об этом думает лишь русский народ», – экспонирует восприятие развернутого пушкинского текста. Он вводится в повествование прямым обращением к читателю: «Помните ли вы у Пушкина, в “Песнях западных славян”, “Песню о битве у Зеницы Великой?” – и цитированием строчек о разъединении славянских племен, приведшем к трагедии. Экстраполируя пушкинский текст в современность, Достоевский вводит в свой текст точку зрения читателя, который («пусть я гнусно ошибаюсь, но все же я

твердо уверен», – пишет Достоевский) не помнит («...исключая специалистов там каких-нибудь, словесников...») этого произведения Пушкина. А между тем, по мнению Достоевского, вкратце воспроизведшего историю создания «Песен», значение их заключается не только в том, что в них отразился взгляд русского человека, Пушкина, на свой народ, на семью русскую, но и в том, что в них выражен всеславянский народный дух, его смысл, бычаи и история.

Другая ситуация, в которой Достоевский использует возможности именной стратегии текста, создана в главке, посвященной вышедшей в свет восьмой части романа Л. Толстого «Анна Каренина». В ней Л. Толстой, в частности, поднимает тему «славянского вопроса» и освещает его с изрядной долей иронии, предоставляя судить о нем Катавасову, безымянной княгине, легкомысленному Облонскому. Не касаясь художественных достоинств этой части романа, Достоевский выражает несогласие с позицией Толстого не прямо, а опосредованно, через тезис о *всемирности* России, подтвержденный творчеством Пушкина, который *на деле* доказал возможность *перевоплощаться* (выделено Достоевским), вбирать в себя дух других народов, поскольку в будущем только русскому духу дано назначение «постигнуть и объединить все многообразие национальностей и снять все противоречия их» [11, с. 255]. Таким образом, «именной» текст (Пушкин) представляет собой в данном случае сложный знак, который соткан из материала разных систем («Песни западных славян», роман «Анна Каренина», оценка славянского вопроса «ораторствующим паренком», параязык, шрифтовые выделения и др.), управляемых им. Стратегия рассмотренных нами фрагментов текста позволяет сделать вывод, что механизм смыслопорождения в них запускается в результате срабатывания внешних условий вербализации-понимания (обсуждение славянского вопроса как центрального), а также эвокации, то есть воскрешения, восстановления в памяти читателя творчества Пушкина в виде отсылки к конкретному примеру и побуждения объяснить его роль в мировой истории.

Фактором, обуславливающим поиск стратегии чтения в «Дневнике», оказывается свойственный этому тексту энигматизм повествования, то есть «различного рода странности в его семантической структуре, «разрывы» смысловой ткани текста» [12]. Эффект неоднократного использования Достоевским слова «стючки» заключается в том, что непонимание значения слова ведет к остановке эстетической коммуни-

кации и одновременно стимулирует запуск процесса смыслопорождения и герменевтический интерес читателя. Так, в главке «Мы в Европе лишь Стючки» (январь) Достоевский начинает с читателем разговор о современном состоянии отношений России и Европы, подробно излагая историю европеизации России, которая предстает как история утраты национальной идентичности, общенациональной идеи. Обратим внимание на то, что слово, вряд ли понятное большинству читателей, пишется Достоевским с большой буквы. Второй раз в январском же выпуске «Дневника» слово «стючки» употребляется с маленькой буквы в словосочетании «стючкие европеизма»: «Став самими собой (то есть осознав себя и перестав презирать свой народ. – *М.У.*), – пишет Достоевский, – мы получим наконец облик человеческий, а не обезьяний... получим вид свободного существа, а не раба, не лакея... нас сочтут тогда за людей, а не за международную обшмыгу, не за стючких европеизма, либерализма и социализма» [11, с. 226]. Контекст суждений Достоевского подсказывает возможные интерпретации значения слова явно отрицательного характера, подчеркнутое словом «лишь», («Стюцкий и стючкой человек, подлый, дрянной, презренный» [13, с. 354], однако, написание слов Европа и Стючкие с большой буквы вступает в конфликт с основным негативным смыслом употребленного слова. Презрительное отношение к русским в Европе, говорит Достоевский, сложившееся исторически, имеет отношение не к характеристике русского народа, а к его отдельным представителям, обшмыганным (тем, кто любит пошататься, поездить и побывать всюду наскоро) русским европейцам, оторвавшимся от своей почвы. В ноябрьском выпуске «Дневника» писатель, отвечая на запросы из Москвы и губерний, дает собственную развернутую версию происхождения слова «стюцкий», акцентируя демократический характер его возникновения: «кажется, стюцким обзывается только тот, кто в немецком платье» [11, с. 364], то есть чужой не только по внешнему виду, но и по духу русскому человеку.

«Дневник писателя» – форма публицистического высказывания, в котором авторское «я» одновременно является и объектом, и субъектом высказывания, что определяет и особенности жанра «индивидуального журнала», синтезирующего разнообразные повествовательные стратегии (фельетона, рассказа, заметок, воспоминаний). Обращаясь к событиям общественной, культурной, литературной жизни России в 1877 году, Достоевский ставит перед собой цель

сформулировать русскую национальную идею, доказать, что именно Россия должна выполнить возложенную на нее историей миссию объединения славянского мира. Эта идея определяет стратегию текста, создает эффект живого общения с читателем, поскольку сам Достоевский считал своих многочисленных корреспондентов не только читателями, но и непосредственными участниками создания «Дневника».

Список литературы

1. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. Москва: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2002. 624 с.
2. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / Пер. А.Г. Чернякова. Санкт-Петербург: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 442 с.
3. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Семь сфер. Санкт-Петербург: Искусство-СПб., 2001. С. 150–392.
4. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. Москва: Лабиринт, 2005. 336 с.
5. Бабенко Л.Г., Васильев, И.Е., Казарин, Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. С. 41–50.
6. Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. Москва: МГУП «Мир книги», 1998. 210 с.
7. Николаева Т.М. Текст; Теория текста // Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, 1990.
8. Земская Ю.Н., Качесова И.Ю., Комиссарова Л.М. и др. Теория текста: Учебное пособие / Под ред. А.А. Чувакина. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Флинта: Наука, 2010. 224 с.
9. Новиков А.И. Текст как объект исследования лингвопсихологии // Методология современной психолингвистики: Сб. статей. М; Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2003. [Электронный ресурс] Режим доступа psycholing.narod.ru/monograf/novikov-psy-hrest.html (дата обращения 08.04.2011).
10. Сараскина Л. Ф.М. Достоевский и «восточный вопрос»/ «Balkan Rusistics». [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.russian.slavica.org/article-272.html> (дата обращения 05.05.2011).
11. Достоевский Ф.М. Дневник. Статьи. Записные книжки: В 3 т. Т. 3. 1877–1881 гг. Москва: Захаров, 2005.
12. Бологова М.А. Текст и смысл: стратегии чтения // Критика и семиотика. Вып. 7. Институт филологии СО РАН, 2004. С. 133–141.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Санкт-Петербург, 1882. Издание 2-е. Т. 4.

TEXT IN HIS LIFE (COMMUNICATIVE STRATEGIES OF F.M. DOSTOEVSKY AS A JOURNALIST)

M.G. Urtmintseva

Dostoyevsky's idea about the special mission of Russia, which should fulfill its historical role of the unification of the Slavic world, determines the strategy of the text in «The writer's diary» written in 1877. Communicative peculiarities of the text that reflect the rhythm of the real life of the country involved in a military conflict are shaped by its rhetoric and evocative nature. It is expressed by the use of «someone else's words» as the object of the debate, and by explaining the etymology and meaning of certain words and expressions. Style heterogeneity of the narrative creates the effect of a live communication with the reader, because Dostoyevsky himself, by including letters to the editor into the text, considered readers' responses as one of the main conditions for the functioning of the «Diary».

Keywords: Dostoyevsky, text, communicative strategy, journalism, «The writer's diary».